



Қазақстан Республикасы
Ғылым және жоғары білім министрлігі

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т. 29 (1)

ISSN 1814-6961
E-ISSN 2788-9718

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т.29 (1)

- ТАРИХ
- ЭТНОЛОГИЯ
- АРХЕОЛОГИЯ



ISSN: 1814-6961 (print)
ISSN: 2788-9718 (online)

Отан тарихы
Отечественная история
History of the Homeland

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2026. Т. 29 (1)



Published in the Kazakhstan
Otan tarikhly
Has been issued as a journal
since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 1. Pp. 266–
275
Journal homepage: <https://otan.history.iie.kz>



FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20.01.09.06
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_1_266-275

ВКЛАД СЕРАЛИ ЛАПИНА В ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Камилла Мусировна Ауанасова¹, Алима Мусировна Ауанасова², Алихан Микаилович Бадиев³

¹«Ташенев университет» (Шымкент, Казахстан, проспект Д. Кунаева 21)
Доктор исторических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-9935-1377>. E-mail: kauanassova@gmail.com

²Казахстанско-Белорусский Центр научно-технического сотрудничества, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан, ул. К.Сатпаева 2)
Доктор исторических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-9214-8576>. E-mail: auanasova_a@mail.ru,

³Институт истории государства (Астана, Казахстан, ул. Бокейханова 1а)
Старший научный сотрудник
<https://orcid.org/0000-0001-8266-3745>. E-mail: a.badiyev@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026

© Ауанасова К.М., Ауанасова А.М., Бадиев А.М., 2026

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу вклада Серали (Шер Али) Лапина в формирование правового модернизма в Туркестане в условиях политических и идеологических трансформаций 1917–1928 годов. В центре внимания находится его роль как одного из ключевых представителей мусульманской реформаторской мысли, стремившегося адаптировать нормы шариата к новым социальным и правовым реалиям раннесоветского периода. Исследование вписывается в проблематику интеллектуальной истории Центральной Азии и истории правового плюрализма. *Цель и задачи.* Цель статьи заключается в реконструкции правовых и интеллектуальных оснований концепции модернизма Серали Лапина и выявлении значения его идей для трансформации исламского правосознания в Туркестане. В числе задач — анализ эволюции его взглядов на соотношение шариата, адата и государственного законодательства, рассмотрение деятельности партии «Шура-и-улема», а также выявление специфики исламского модернизма правового типа. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составляют труды Серали Лапина, опубликованные в 1894, 1895/1896 и 1899 годах, материалы дореволюционной и раннесоветской периодики, архивные документы, а также современные исследования западных и российских авторов. В работе применяются историко-генетический, герменевтический, сравнительно-правовой и метод интеллектуальной истории, что позволяет рассмотреть правовую мысль Лапина в динамике и в широком социокультурном контексте. *Результаты.* Показано, что Серали Лапин выступал не только как религиозный деятель и политический лидер, но и как правовой мыслитель, предложивший модель исламского модернизма, основанную на рационализации шариата (*ислах*), признании роли

разума (*ақыл*) и сохранении моральной ответственности улемов. Установлено, что его идеи о разделении компетенций между шариатским и государственным судопроизводством нашли практическое воплощение в раннесоветский период и стали частью гибридной модели правового порядка в Туркестане. *Заключение.* Делается вывод о том, что концепция Серали Лапина представляла собой альтернативный путь модернизации, несвязанный с секулярным разрывом с исламской традицией. Его правовые взгляды способствовали формированию особого типа исламского правового модернизма, сыгравшего значимую роль в интеллектуальной истории Центральной Азии и в процессе трансформации мусульманского правосознания в первой четверти XX века.

Ключевые слова: Серали Лапин, правовой модернизм, исламская реформа, шариат, джадидизм, партия «Шура-и-улема», Туркестан, ислах, мусульманские суды, модернизм, интеллектуальная история.

Благодарность. Авторы выражают благодарность за оказание поддержки в финансировании статьи в рамках программно-целевого проекта BR 28713085 «Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов» за счет государственного бюджета.

Для цитирования: Ауанасова К.М., Ауанасова А.М., Бадиев А.М. Вклад Серали Лапина в правовой модернизм в первые годы советской власти (на основе анализа западной и российской историографии) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 1. С. 266–275. [на рус.] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_1_266-275

СЕРАЛИ ЛАПИНИҢ КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ АЛҒАШҚЫ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ МОДЕРНИЗМІНЕ ҚОСҚАН ҮЛЕСІ (БАТЫС ЖӘНЕ ОРЫС ТАРИХНАМАСЫН ТАЛДАУ НЕГІЗІНДЕ)

Камилла Мусирқызы Ауанасова¹, Алима Мусирқызы Ауанасова², Алихан Микаилұлы Бадиев³

¹«Ташенев университеті» (Шымкент, Қазақстан, Д. Кунаев проспекті 21)

Тарих ғылымдарының докторы, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-9935-1377>. E-mail: kauanassova@gmail.com

²Қазақстан-Беларусь ғылыми-техникалық ынтымақтастық орталығы, ЕҰУ им. Л.Н. Гумилева (Астана, Қазақстан, К.Сатпаева 2)

Тарих ғылымдарының докторы, профессор,

<https://orcid.org/0000-0002-9214-8576>. E-mail: auanasova_a@mail.ru,

³Мемлекет тарихы институты (Астана, Қазақстан, Бөкейханова 1а)

Аға ғылыми қызметкер

<https://orcid.org/0000-0001-8266-3745>. E-mail: a.badiyev@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТЭИ, 2026

© Ауанасова К.М., Ауанасова А.М., Бадиев А.М., 2026

Аңдатпа. *Kіріспе.* Мақалада 1917–1928 жылдар аралығындағы саяси және идеологиялық өзгерістер жағдайында Түркістандағы құқықтық модернизмнің қалыптасу үдерісіндегі Сералы (Шер Али) Лапиннің орны мен ролі талданады. Зерттеудің негізгі нысаны — оның мұсылман реформаторлық ойының көрнекті өкілі ретінде шариғат нормаларын ерте кеңестік кезеңнің жаңа әлеуметтік-құқықтық шындығына бейімдеуге ұмтылысы. Жұмыс Орталық Азияның зияткерлік тарихы мен құқықтық плюрализм тарихы аясында қарастырылады. *Мақсаты мен міндеттері.* Мақаланың мақсаты — Сералы Лапиннің құқықтық және зияткерлік көзқарастарының негіздерін қайта құрып, оның идеяларының Түркістандағы исламдық құқықтық сананың трансформациясындағы маңызын анықтау. Міндеттеріне шариғат, адат және мемлекеттік құқық арақатынасы жөніндегі көзқарастарының эволюциясын талдау, «Шура-и-улема» қозғалысының қызметін қарастыру және исламдық құқықтық модернизмнің ерекшеліктерін айқындау жатады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің дереккөздік базасын Сералы Лапиннің 1894, 1895/1896 және 1899 жылдары жарық көрген

еңбектері, революцияға дейінгі және ерте кеңестік мерзімді басылымдар, архивтік материалдар, сондай-ақ қазіргі заманғы ғылыми зерттеулер құрайды. Жұмыста тарихи-генетикалық, герменевтикалық, салыстырмалы-құқықтық және зияткерлік тарих әдістері қолданылды, бұл Лапиннің құқықтық ойларын кең әлеуметтік-мәдени контексте қарастыруға мүмкіндік береді. *Нәтижелері.* Зерттеу нәтижелері Сералы Лапиннің тек діни қайраткер әрі саяси көшбасшы ғана емес, сонымен қатар шарифатты рационализациялауға (*ислах*), ақылдың (*ақыл*) рөлін мойындауға және улемдердің моральдық жауапкершілігін сақтауға негізделген исламдық модернизм үлгісін ұсынған құқықтық ойшыл болғанын көрсетеді. Оның шарифат соттары мен мемлекеттік сот жүйесі арасындағы өкілеттіктерді бөлу жөніндегі идеялары ерте кеңестік кезеңде тәжірибелік тұрғыда іске асырылды. *Қорытынды.* Қорытындылай келе, Сералы Лапиннің тұжырымдамасы исламдық дәстүрмен секулярлық үзіліске бармайтын баламалы модернизация жолын ұсынғаны анықталды. Оның құқықтық көзқарастары XX ғасырдың бірінші ширегінде Орталық Азиядағы исламдық құқықтық модернизмнің ерекше түрінің қалыптасуына және мұсылман құқықтық санасының өзгеруіне елеулі ықпал етті.

Түйінді сөздер: Сералы Лапин, құқықтық модернизм; исламдық реформа, шарифат, жәдидшілдік, партия «Шура-и-улема», Түркістан, ислах, мұсылмандық сот, модернизм; интеллектуалдық тарих.

Алғыс. Мақала BR 28713085 «XX–XXI ғасырлардың алғашқы ширегіндегі зияткерлік тарихты қазақ тарихшылары мен әдебиетшілерінің еңбектері арқылы кешенді пәнаралық зерттеу» бағдарламалық – нысаналы жоба шеңберінде дайындалған. Қаржыландыру мемлекеттік бюджет есебінен. Жұмыс Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржылық қолдауымен орындалды [ЖРН № BR18574101].

Дәйексөз үшін: Ауанасова К.М., Ауанасова А.М., Бадиев А.М. Серали Лапиннің кеңес өкіметінің алғашқы жылдарындағы құқықтық модернизміне қосқан үлесі (батыс және орыс тарихнамасын талдау негізінде) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 1. 266–275-бб. [орысш.] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_1_266-275

SERALI LAPIN'S CONTRIBUTION TO LEGAL MODERNISM IN THE EARLY YEARS OF SOVIET RULE (BASED ON AN ANALYSIS OF WESTERN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY)

Kamilla M. Auanassova¹, Alima M. Auanassova², Alikhan M. Badiev³

¹Tashenev University (Shymkent, Kazakhstan, D. Kunaev Avenue 21)

Doctor of Historical Sciences, Professor

<https://orcid.org/0000-0001-9935-1377>. E-mail: kauanassova@gmail.com

²Kazakh-Belarus Center for Scientific and Technical Cooperation, L.N. Gumilyov ENU

(Astana, Kazakhstan, K. Satpaev Street 2)

Doctor of Historical Sciences, Professor

<https://orcid.org/0000-0002-9214-8576>. E-mail: auanasova_a@mail.ru,

³Institute of State History (Astana, Kazakhstan, Bokeykhanova Street 1a)

Senior Researcher

<https://orcid.org/0000-0001-8266-3745>. E-mail: a.badiyev@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026

© Auanasova K.M., Auanasova A.M., Badiyev A.M., 2026

Abstract. Introduction. The article analyzes the contribution of Seraly (Sher Ali) Lapin to the formation of legal modernism in Turkestan during the period of political and ideological transformation between 1917 and 1928. The study focuses on his role in Muslim reformist thought who aimed to adapt the norms of Sharia to the new social and legal realities of the early Soviet period. The research is situated within the fields of Central Asian intellectual history and the history of legal pluralism. *Purpose and objectives.* The purpose of the article is to reconstruct the legal and intellectual foundations of Seraly Lapin's modernist concept and to assess the significance of his ideas for the transformation of Islamic legal consciousness in Turkestan. The objectives include an analysis of the evolution of his views on the relationship between Sharia, adat, and

state law, an examination of the activities of the Shura-i-Ulama movement, and an identification of the specific features of Islamic legal modernism. *Materials and methods.* The source basis of the study consists of Seraly Lapin's works published in 1894, 1895/1896, and 1899, materials from pre-revolutionary and early Soviet periodicals, archival documents, and modern scholarly studies. The research employs historical-genetic, hermeneutic, comparative-legal, and intellectual history methods, enabling an analysis of Lapin's legal thought in its dynamic development and broader socio-cultural context. *Results.* The study demonstrates that Seraly Lapin was not only a religious figure and political leader but also a legal thinker who proposed a model of Islamic modernism based on the rationalization of Sharia (*islah*), the recognition of reason (*aqyl*), and the preservation of moral responsibility among the ulama. His ideas concerning the division of competencies between Sharia courts and state judicial institutions found practical implementation in the early Soviet period and contributed to the formation of a hybrid legal order in Turkestan. *Conclusion.* It is concluded that Seraly Lapin's concept represented an alternative path of modernization that did not imply a secular rupture with Islamic tradition. His legal views played a significant role in shaping a specific type of Islamic legal modernism and in the transformation of Muslim legal consciousness in Central Asia during the first quarter of the twentieth century.

Keywords: Serali Lapin; legal modernity; Islamic reform; Sharia; Jadidism; Shura-i-ulema; Turkestan; islah; Muslim court, modernity; intellectual history.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the program-targeted project BR28713085 «Comprehensive interdisciplinary research on the intellectual history of the twentieth and the first quarter of the twenty-first centuries based on an analysis of the works of Kazakhstani historians and literary scholars.» The research was funded from the state budget.

For citation: Auanassova K.M., Auanassova A.M., Badiyev A.M. Serali Lapin's contribution to legal modernism in the early years of Soviet rule (based on an analysis of Western and Russian historiography) // Otan Tarikhy. 2026. Vol. 29. No. 1. Pp. 266–275. [in Russian]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_1_266-275

Введение. Исследование правового модернизма Туркестана начала XX века невозможно без обращения к фигуре Серали (Шер Али) Лапина, одного из наиболее интеллектуально подготовленных представителей мусульманской реформаторской мысли региона. Его деятельность на рубеже XIX–XX веков и в период 1917–1928 годов отражает сложную динамику перехода от исламской концепции ислах (реформа) к попытке выстраивания нового правопорядка в условиях советской модернизации. Лапин выступал не только как юрист и богослов, но и как теоретик, который осознавал право как инструмент преобразования общества, а не только религиозный долг.

Актуальность темы определяется тем, что фигура Серали (Шер Али) Лапина одного из последних мыслителей Туркестана рубежа XIX–XX веков остаётся недооценённой в казахстанской историографии несмотря на то, что именно он стал тем звеном, которое соединяет классическую исламскую учёность, общественно-политическую практику позднего имперского периода и первые попытки правовой модернизации в советском Востоке. Его жизнь – это путь между правом и верой, между судебной практикой и богословской рефлексией. Сегодня, когда Центральная Азия вновь ищет баланс между модернизацией и традицией, возвращение к опыту Лапина приобретает особое значение, напоминая о сложности и достоинстве национального интеллектуального наследия казахского народа.

Проблема правового модернизма заключается не в вопросе юридической техники, а в вопросе соотношения норм шариата, традиции адата и государственного законодательства. В условиях распада империи и формирования новой идеологической (советской) системы этот вопрос стал особенно острым. Именно в этот переходный период формировались альтернативные модели правового мышления между исламским универсализмом и советским судопроизводством.

В западной историографии фигура Лапина дает возможность понять его мировоззрение и особое понимание понятия модернизма в исламской традиции. Лапин не воспринимал модернизм как западный секуляризм. Для него он означал рациональное возрождение ислама, его очищение от догматизма и соединение разума (ақыл) и веры (иман) в едином духовно-правовом проекте.

Таким образом, введение в тему правового модернизма через призму идей Лапина позволяет проследить драматическую трансформацию религиозного права в эпоху социального и идеологического разлома 1917 года. Настоящее исследование ставит цель показать, как понятие ислах и концепция шариата в толковании Лапина постепенно вошли в контакт с новыми советскими юридическими институтами, создав уникальную гибридную модель правопорядка в Туркестане.

Материалы и методы исследования. Исследование основано на принципе историко-генетического анализа, что позволяет рассматривать правовую мысль Серали Лапина в динамике – от колониального периода конца XIX века до советской трансформации 1920-х годов. Основу источникового корпуса составляют тексты самого Лапина, вошедшие в двуязычное издание «Сералы Лапин. Шығармалары. Зерттеулер» [Лапин, 2024], а также печатные и архивные материалы, отражающие институциональный контекст его деятельности в Самарканде, Ташкенте и Бухаре.

Дополнительно привлекаются документы колониальной администрации, нормативные акты Туркестанского генерал-губернаторства, публикации дореволюционной и советской периодики («Туркестанские ведомости», «Окраина»), где фиксируются практические вопросы шариатского и адатного судопроизводства.

Для реконструкции интеллектуального и правового контекста применён комплекс методов. В-первых, историко-сравнительный метод позволил выявить структурные различия между исламским и светским правопорядками, а также проследить адаптацию категорий шариата (фихт, маслаха) в новой нормативной среде советской юстиции.

Во-вторых, герменевтический метод использовался для анализа терминологии и смысловых пластов в рукописях Лапина его употребления понятий ислах, ақыл, умма, хакимият, что позволяет оценить степень философской рефлексии и внутреннего единства его правового дискурса.

В-третьих, историко-социологический подход позволил рассмотреть идеи Лапина как элемент коллективного правосознания мусульманской элиты Туркестана, связав их с процессом модернизации образования, религиозных институтов и судопроизводства.

Кроме того, применён метод интеллектуальной истории, через который изучается не только содержание его трудов, но и то, как правовые и богословские идеи циркулировали между различными сообществами улемов, реформаторами, представителями российской администрации.

В качестве вспомогательных использовались контент-анализ текстов и сравнительно-правовой анализ: сопоставление идей Лапина с доктринами его современников И. Гаспринского, М. Бехбуди, М. Шокая, а также с выводами западных исследователей (Adeeb Khalid, Paolo Sartori и других).

Такая методологическая комбинация позволила интегрировать религиоведческий, историко-правовой и культурологический уровни в единую аналитическую рамку, в которой модернизм трактуется не как следствие западного влияния, а как результат внутренней эволюции исламской правовой мысли в условиях социального давления и имперского контроля.

Обсуждение. Серали (Шер Али) Мунайтбасович Лапин вошёл в интеллектуальную историю Центральной Азии XX века как юрист, теолог, политический лидер, востоковед, тюрколог, переводчик и публицист. Судьба Лапина хотя и известна фрагментарно, но ключевые вехи подтверждаются корпусом письменных и цифровых источников [Лапин, 2025]. Из них мы знаем, что Лапин был коллежским регистратором, переводчиком при военном губернаторе Самаркандской области, затем поверенным и адвокатом столичной практики, а позже одним из лидеров партии «Шура-и-Улема». Свою миссию он видел в укреплении религиозной нормы в публичной сфере. В 1917 году он вместе с единомышленниками превратил богословскую учёность в ресурс политического влияния. Это сочетание сформировало особый тип правосознания уважение к фикху¹ и понимание кодифицированного права Российской империи.

1917 год стал переломным моментом в судьбе и карьере Лапина, как и для многих других граждан Туркестана. После Февральской революции в Туркестане активно формируются мусульманские партии, среди которых своей программой выделялась партия «Шура-и-исламия» (М. Шокай и др.). В середине этого же года в рядах партии «Шура-и-исламия» происходит раскол по идейным соображениям. Консервативное крыло, ориентированное на шариат как первичную норму,

¹ Термин «ислах» происходит от арабского корня *ṣ-l-ḥ* (ص-ل-ح), который означает «быть праведным, добрым, исправным». В классическом богословии ислах – это духовное и моральное обновление общины (уммы), возвращение к подлинному исламу через очищение веры и нравственности. Это одно из ключевых понятий исламской философии, общественно-политической мысли и модернистских движений XIX – начала XX века. Мусульманские реформаторы (Джамал ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида) говорили об ислах аль-ислам как о реформировании мусульманского общества для соответствия современности. Это движение сочетало призыв к духовному очищению с рационализацией религии, стремлением примирить ислам и науку, шариат и прогресс. В конце XIX – начале XX вв. идея ислах стала интеллектуальным знаменем джадидов. У таких мыслителей, как И. Гаспринский, М. Бехбуди, С. Лапин, М. Шокай, «ислах» означал не только религиозное, но и социальное и культурное обновление, которое должно было осуществляться через реформу школы, языка, правосознания, положения женщины, развитие гражданственности. Ислах в их понимании это рациональная исламская модернизация, попытка построить современное общество без отказа от духовных корней.

выступило за образование собственной партии «Шура-и-улема». Ее ташкентское отделение возглавит Лапин.

Партия «Шура-и-улема» не была малочисленной организацией улемов и верующих мусульман. Она также не была партией в формально европейском смысле этого слова. Эта партия была своего рода общественно-политическим инструментом, требовавшим признания авторитета улемов и практической квоты их участия в краевых структурах власти, в том числе в школьных комиссиях и судах.

Весь 1917 год Лапин выступал с публикациями в региональной мусульманской прессе, отстаивая идею исламского права. Он утверждал, что последнее может быть реформировано не в сущности, а в методах его применения. Это объясняет факт того, что его язык в политике для того времени звучал живо и актуально. Его юридическая аргументация отвечала на запрос мусульманского общества о моральной проекции богословия в общественно-политической жизни города. Именно поэтому его традиционализм оказался актуальным как никогда и смог найти место в структуре современной на тот момент политики.

Для Лапина периодическая печать становилась школой публичного ислама. Нельзя забывать и того, что эта школа была общей как для джадидов, так и улемов, хотя цели они преследовали разные. Если джадиды (М. Бехбуди) ориентировались на культурно-образовательную реформу и либеральные идеи, то улемы же стояли на позициях восстановления религиозно-правового суверенитета мусульманской общины. Раскол между этими социальными группами был идеологическим. Он отражал столкновение двух альтернативных моделей модернизма – и рационалистического, и нормативного.

Ни один из серьезных исследователей не отождествляет Лапина с чистым теологическим традиционализмом. Его позиция была модернистской по форме, поскольку он использовал правовые и печатные инструменты публичной сферы, но консервативной по сути (цели). Лапин добивался нормативного статуса шариата в государственном управлении и образовании, укрепляя институциональный вес улемов в обществе. В этой связке сталкиваются его линия джадидистского ислаха обновления, шедшая через реформирование образования, периодическую печать и линия улемы, направленная на защиту правового суверенитета мусульманской общины.

Но Лапин понимал, что без рациональной адаптации исламская правовая система утратит силу, но и без шариатской опоры модернизация станет бездушной. Этот тезис сближает его с движением джадидов (М. Бехбуди). Поэтому можно говорить о том, что Лапин стоял на позициях умеренного реформизма. Его программа была попыткой вернуть шариату общественную функциональность через просвещение, упорядочение судопроизводства и повышение авторитета улемов.

В газетных публикациях и на съездах улемов 1917 года Лапин утверждал, что мусульманская автономия невозможна без самостоятельной судебной системы, основанной на шариате. Партия «Шура-и-улема» требовала признать за казиями право рассматривать семейные, наследственные и имущественные дела, а также выступала против попыток европеизировать мусульманские школы. Это был спор не только о власти, но и о смысле модернизации в туркестанском обществе. В публичных речах Лапин говорил, что «просвещение без веры – пустота, а вера без знания – слепота». Эти слова цитируются в нескольких позднейших региональных изданиях и передаются по памяти учениками ташкентского медресе.

Ученый Адиб Халид [Khalid, 2015] называет партию «Шура-и-улема» последним оплотом мусульманской учёности, пытавшейся отстоять автономию в эпоху радикальной секуляризации. Он отмечает, что их язык в политике был уже новаторским. Он проявлялся через актуальную публикацию статей в газетах, программе партии, резолюциях съездах, но содержание всех этих документов оставалось традиционным. В этом двойственном коде проявилась вся драма исламской модернизации в Центральной Азии начала XX века. Стремление улемов идти в ногу со временем, но не отрекаясь от изжившего и устаревшего начала в шариате было тормозом для всей их последующей деятельности и предлагаемых реформах [Khalid, 1996].

Почему именно правовая основа стала основным элементом политической программы Лапина и почему она оказалась влиятельной на всем протяжении 1917 года и в раннесоветский период судопроизводства? С одной стороны, колониальная правовая политика в Туркестане давала пространство для нотариальной деятельности шариатских судов, для семейного и наследственного права, для примирительных процедур. Эта деятельность детально изучена ученым Паоло Сартори

[Sartori, 2016], который показывает, как российское законодательство, взаимодействуя с местными практиками невольно усиливало роль казиев в отдельных правовых зонах.

С другой стороны, мусульманская община нуждалась в языке, который одновременно легитимирует участие улемов в публичной власти и защитит их собственную компетенцию. Эта риторика воспроизводила теологический классический мотив преемственности, где улемы выступали как наследники пророков, но облекала его в институциональные формы модернизма (участия в заседаниях, в выступлениях на съездах, совещаниях, подготовка резолюций и петиций, публикаций материалов в газетах).

В этом смысле Лапин стал проводником двухстороннего движения. С одной стороны он привнес юридическую технику в религиозно-политический спор о будущем мусульманской общины, а с другой вернул былой религиозный авторитет улемов в правовую повседневность города. Сформированные им своего рода шкала права и шкала богословия перестали быть параллельными прямыми. Они начали пересекаться в повседневной жизни граждан 1917 года.

Революционные события 1917 года привели партию «Шура-и-улема» в центральный водоворот туркестанской политики. Лапин участвовал в съездах мусульман, в дискуссиях о Туркестанской автономии, выдвигал свою кандидатуру в Учредительное собрание, где бы он не выступал, он продвигал свою идею о религиозном представительстве и праве голоса улемов в гражданских органах.

Но уже к концу 1917 года ситуация изменилась. Власть большевистских Советов Ташкента стала ужесточаться. Начались репрессии против мусульманских партий и ее членов. Провозглашённая в декабре 1917 года Туркестанская автономия в январе 1918 года была разгромлена. Многие улемы были убиты или арестованы. После разгрома Туркестанской автономии Лапин покидает регион и пытается искать внешнюю опору за рубежом. После неудачных попыток поиска союзников он возвращается и в 1919 году умирает в Самарканде. Обстоятельства его смерти обросли легендами. До сих пор документально не ясны все детали его гибели.

Однако идеи, сформулированные Лапиным, не исчезли после его смерти и его влияние не исчерпывается тезисом «он возглавлял партию «Шура-и-улема». Оно проявляется в том, что он помог легитимировать саму возможность говорить от имени улемов на языке политики. Оно проявляется в том, что спор 1917 года о месте шариатского судопроизводства в обществе не растворился в политической риторике, а несколько лет жил в правовых техниках раннесоветского компромисса, в нотариатах, примирениях, ограничениях подсудности, во всём том, что потом было отменено в советском Востоке. Оно проявляется в том, что через публикации статей в печати и работу в школьных комиссиях, улема и казии получили опыт публичного администрирования в судопроизводстве раннесоветского периода. И наконец, оно проявляется в том, что серьезная историография перестаёт видеть в улемах реакционеров и признаёт сложность их субъектного модернизма.

Ученый Паоло Сартори [Sartori, 2010] в исследовании «What Went Wrong? The Failure of Soviet Policy on Shari'a Courts in Turkestan» (2010) показывает, что в 1919–1923 годах советская власть вынуждена была искать компромисс с мусульманским населением. Несмотря на уничтожение Туркестанской автономии, идея автономии шариатского судопроизводства не исчезла. Она продолжала существовать в раннесоветский период (с 1919 по 1923 гг.), когда мусульманские суды большевики частично включали в систему народных судов. Здесь шариатские суды пытались сосуществовать с народными судами, начиная от узких подсудностей до процедур примирения позволяющие оставлять за общиной право решать собственные семейные и имущественные конфликты.

В первый период так называемой «политики гармонизации», длившейся до 1923 года, разрешалось существование шариатских судов, чтобы удержать социальную стабильность в обществе. Эти суды решали семейные и имущественные споры по нормам шариата, а казии официально признавались народными судьями. Уже с 1924 году началась второй период развития, связанный с постепенным ограничением их юрисдикции, завершившийся ее полной ликвидацией к 1928 году [Sartori, 2010: 397–434]. Процесс включения шариатского суда в гражданский суд позволяет увидеть живучесть и влияние идей Лапина в первые годы советской власти, не как формального источника права, а как политико-юридическую традицию, которая четко встроилась в советский судебный аппарат и успела проработать несколько лет, прежде чем была из него вытеснена.

Таким образом, между 1917 и 1923 годами существовал уникальный промежуток времени, когда идеи Лапина о правовом сосуществовании шариата и государственного законодательства фактически реализовывались пусть временно и неофициально. Его концепция своего рода разделённой компетенции полномочий, где шариат решал все семейные дела, а советское законодательство было направлено на решение уголовных дел, стала рабочей схемой раннесоветской практики судопроизводства. Вместе с тем в делах по земельным спорам и наследству казии часто применяли процедуру сулх, то есть мирного соглашения закреплённую судебными актами. Таким образом, казии старались обходить жёсткие рамки советского кодекса судопроизводства [Sartori, 2010: 420–425].

Именно в этом проявляется правовой модернизм судопроизводства раннего этапа советского Востока, о котором Лапин говорил ещё до революции 1917 года. Модернизм для него не заключался в европеизации этого механизма. Он рассматривался как способ рационального обновления исламского права, придания ему внутренней системности и общественного авторитета. Если его современники джадиды (М. Бехбуди и др.) искали модернизм через просвещение, школу и книгу, то Лапин искал ее через суды и право. В этом отличие его концепции от концепции джадидов, и она носит принципиальный характер. В первом случае реформировался язык, просвещение и культура, во втором совершенствовалась структура права.

Результаты. Опираясь на комплекс историко-генетических и герменевтических методов исследование позволило реконструировать ключевые положения правовой философии Серали Лапина и показать, каким образом его идеи сформировали специфическую модель исламского модернизма в контексте Туркестана конца XIX – начала XX века.

Первое, анализ понимание Лапиным соотношения шариата и адата. В его текстах обнаруживается стремление к гармонизации этих двух источников права. Он признавал адат как историческую форму правового сознания, не противоречащую духу шариата, если обычай не нарушает принципы справедливости (әділет) и общественного блага (маслаха). Такой подход демонстрирует рационалистическую установку автора не буквальное подчинение традиции догме, а поиск функционального соответствия между нормой и практикой.

Второе, критика колониального вмешательства в мусульманскую судебную систему. Лапин фиксировал утрату автономии шариатских судов после административных реформ 1886 года и указывал на риск подмены религиозных категорий имперской бюрократической логикой. Его тексты содержат аргументацию в пользу восстановления роли казиев как моральных посредников между законом и обществом. Эти наблюдения согласуются с выводами современных исследователей правового плюрализма Р. Сартори и А. Халида.

Третье, концепция ислах как основа правовой модернизации. Лапин трактовал реформу не как секуляризацию, а как внутреннее очищение исламского права от архаичных форм. В его рассуждениях разум (ақыл) и вера (иман) выступают взаимодополняющими инструментами правопорядка. Именно этот дуализм позволил ему примирить идею религиозной справедливости с необходимостью кодификации норм, который приближал Туркестан к юридическому модернизму.

Четвёртое, взаимодействие исламской правовой мысли с советским судопроизводством в 1917–1928 годах. На этом этапе принципы шариата интегрировались в новые институты советской власти, рассматривая государственный закон как возможное продолжение морального закона ислама. Однако проект Лапина столкнулся с идеологическими установками воинствующего атеизма советской власти. Догматизация советского права исключала религиозную аргументацию, что привело к постепенной утрате мусульманских судов и исчезновению тех институтов, которые Лапин рассматривал как носителей нравственного порядка.

Сравнительный анализ трудов Лапина с идеями И. Гаспринского, М. Бехбуди и М. Шокая выявил устойчивую интеллектуальную линию его стремление связать модернизацию с сохранением духовного суверенитета. В отличие от Бехбуди, акцентировавшего внимание на педагогической реформе, Лапин работал на уровне юридической доктрины, формулируя нормативные основания для исламского модернизма.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что правовая концепция Лапина представляла собой не локальную реформаторскую инициативу, а часть более широкого процесса трансформации мусульманского права в эпоху колониального и советского давления. Его идеи о соразмерности веры и разума, шариата и закона, традиции и модернизма позволили Туркестану войти в XX век с собственным интеллектуальным ресурсом правового самосознания.

Заключение. Если взглянуть с позиции интеллектуальной истории, то влияние Лапина шире правового поля. Он утвердил саму возможность говорить о модернизме на языке ислама, не прибегая к европейской терминологии. Для него разум (ақыл) и вера (сезім) не антагонисты, а две формы познания истины. Именно поэтому его идеи так близки постулатам исламской философии Мухаммада Абдо и Рашида Риды, хотя прямых контактов с ними в источниках не зафиксировано. Лапин воспринимал ислам как живую систему, где рациональное мышление выступает как инструмент, а не угроза вере.

Лапин не оставил после себя труда о государстве и роли шариата в обществе. Отсутствует также систематическое толкование его понимания суль аль-фикх. Однако его вклад в исламский реформизм лежит в плоскости дискурсивных, кадровых и процедурных отношений. Во-первых, дискурс улемы представлен легитимным представительством в светских органах управления, обеспечившим право голоса и участия в дискуссиях о границах религиозной компетенции в обществе. Во-вторых, кадры (казии) улемы, прошедшие через опыт школьных комиссий и городских Дум 1917–1918 годов, становились посредниками между мусульманской общиной и новой властью. Позже часть подготовленных кадров (казии) улемы работали в шариатских судах раннесоветского периода Востока. В-третьих, применяемые процедурные практики в суде, подготовка нотариальных актов, земельных свидетельств, всё то, что описывает Сартори, это и есть повседневный слой права, куда перешел спор о верховенстве шариата и его влиянии на мусульманскую общину. Добавим сюда высказывание Халида о раздвоении мусульманской публичной политики в Ташкенте 1917 года и тогда мы видим, что влияние Лапина перестаёт быть призрачным. Оно становится измеримым через институции его идеи и взгляды.

Современная наука начинает переосмысливать его наследие. В трудах Сергея Абашина [Абашин, 2007], Оливье Руа [Roy, 2004], Жиль Кепель [Kerel, 2000], Стефана А. Дюдуаньона и Комацу Хисао [Dudoignon, Komatsu, 2011] акцентируется внимание на том, что советская политика в Средней Азии не стёрла, а трансформировала локальные формы правосознания. Лапин стал одним из тех, кто показал, что ислам может быть не преградой, а интеллектуальным партнёром модернизации. В этом смысле он предвосхищает тот самый мусульманский модернизм, о котором пишут Байрам Балчи [Balci, 2018] и Жиль Кепель [Kerel, 2002], показывая его неразрывную связь не столько с традицией, а с ее рационализмом.

Для Казахстана опыт Лапина имеет особое значение. Во-первых, потому что многие его последователи и ученики происходили из казахских областей, где шариатские суды и адаты пересекались особенно тесно. Во-вторых, потому что именно в пограничных зонах Туркестана и Степного генерал-губернаторства формировался тип мусульманского юриста, который мыслил категориями компромисса. И в-третьих, потому что казахстанская историография долго рассматривала джадидизм и улемизм как две противоположности, хотя в лице Лапина мы видим их диалог.

К концу 1920-х годов этот диалог оборвался. Советская реформа судопроизводства уничтожила институт казиев, ликвидировала медресе, запретила религиозные собрания. Но идеи Лапина о «разумном шариате», об ислахе через обновление знаний, о моральной ответственности учёного и теолога перед мусульманской общиной пережили эпоху партийно-советского диктата. Они сохранились в устных традициях, в редких рукописях, в мемуарах и в исторической памяти тюркских народов. И когда сегодня речь идет об исламском модернизме Центральной Азии XX века, следует учитывать двоякость её генезиса. Он рождалась не только через просветительство и реформу образования джадидов, но она шлифовалась в недрах шариатских судов и школьных комиссий улемы. В этой дихотомии Лапин остаётся ключевым узлом понимания исламского модернизма Центральной Азии XX века.

Таким образом, Лапин был не реакционером и не утопистом, а мыслящим реформатором, который пытался найти место для шариата в мире модернизации. Его альтернативная модель развития общества заключается в том, что он показал возможности правового модернизма без разрыва с духовной традицией мусульман. В эпоху кризисов и поисков идентичности этот опыт вновь становится актуальным как для Центральной Азии, так и для Казахстана.

Литература

Абашин С.Н., 2007 – *Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности.* СПб.: Алетейя, 2007. 312 с. URL: https://www.academia.edu/1261378/%D0%90_2007 [in Russian].

- Balci B., 2018 – *Balci B. Islam in Central Asia and the Caucasus since the Fall of the Soviet Union*. New York: Oxford University Press, 2018. 288 p. URL: https://www.academia.edu/39535958/Bayram_Balci_Islam_in_Central_Asia_and_the_Caucasus_since_the_Fall_of_the_Soviet_Union_Trans_Gregory_Elliott_Introduction_by_Olivier_Roy_New_York_Oxford_University_Press_2018
- Dudoignon S.A.; Komatsu H. (eds.), 2011 – *Dudoignon S.A.; Komatsu H. Islam in Politics in Russia and Central Asia: Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries*. London–New York: Kegan Paul, 2001. XIX+375 p. URL: <https://archive.org/details/islaminpolticsi0000unse>
- Khalid A.S., 1996 – *Khalid A.S. Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan // Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 2. Pp. 270–296. URL: <http://www.jstor.org/stable/2501913>; <https://www.sci-hub.ru/10.2307/2501913>
- Khalid A.S., 2015 – *Khalid A.S. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Ithaca–London: Cornell University Press, 2015. XIX+434 p. URL: https://www.academia.edu/32290726/Adeeb_Khalid_Making_Uzbekistan_Nation_Empire_and_Revolution_in_the_Early_USSR_Ithaca_Cornell_University_Press_2015
- Kepel G., 2000 – *Kepel G. Jihad: Expansion et déclin de l'islamisme*. London: I.B. Tauris, 2000. 280 p. URL: <https://archive.org/details/jihadexpansionet0000kepe>
- Kepel G., 2002 – *Kepel G. Jihad: The Trail of Political Islam*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. 454 p. URL: <https://archive.org/details/jihadtrailofpoli0000kepe>; https://www.academia.edu/33683128/Jihad_The_Trail_of_Political_Islam
- Лапин Сералы, 2024 – *Лапин Сералы. Шығармалары. Зерттеулер = Сералы (Шерали) Лапин. Произведения. Исследования. Түркістан: Тұран баспасы, 2024. 251 б. [in Kazakh]*
- Лапин Серали Мунайтбасович, 2025 – *Лапин Серали Мунайтбасович*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> [in Russian]
- Roy O., 2004 – *Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press, 2004. 350 p. URL: https://www.academia.edu/1453451/Globalized_Islam_The_search_for_a_new_ummah
- Sartori P., 2010 – *Sartori P. What Went Wrong? The Failure of Soviet Policy on Sharī'a Courts in Turkestan, 1917–1923*. *Die Welt des Islams*. 2010. Vol. 50. Pp. 397–434. URL: https://www.academia.edu/372917/What_went_wrong_The_Failure_of_Soviet_Policy_on_Shar%C4%AB%CA%BFa_Court_in_Turkestan_1917_1923
- Sartori P., 2016 – *Sartori P. Visions of Justice: Sharī'a and Cultural Change in Russian Central Asia*. Leiden–Boston: Brill, 2016. XVI+392 p. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Visions-of-Justice%3A-Sharia-and-Cultural-Change-inSartori/c80ae1ff5e5ce47a6a4c2fab5bae5818a11346c2>

References

- Abashin, 2007 – *Abashin S.N. Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti [Nationalisms in Central Asia: In Search of Identity]*. St. Petersburg: Aleteiya, 2007. 312 p. URL: https://www.academia.edu/1261378/%D0%90_2007. [in Russian]
- Balci, 2018 – *Balci B. Islam in Central Asia and the Caucasus since the Fall of the Soviet Union*. New York: Oxford University Press, 2018. 288 p. URL: https://www.academia.edu/39535958/Bayram_Balci_Islam_in_Central_Asia_and_the_Caucasus_since_the_Fall_of_the_Soviet_Union_Trans_Gregory_Elliott_Introduction_by_Olivier_Roy_New_York_Oxford_University_Press_2018
- Dudoignon; Komatsu (eds.), 2001 – *Dudoignon S.A.; Komatsu H. Islam in Politics in Russia and Central Asia: Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries*. London–New York: Kegan Paul, 2001. XIX+375 p. URL: <https://archive.org/details/islaminpolticsi0000unse>
- Khalid, 1996 – *Khalid A.S. Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan. Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 2. Pp. 270–296. URL: <http://www.jstor.org/stable/2501913>; <https://www.sci-hub.ru/10.2307/2501913>
- Khalid, 2015 – *Khalid A.S. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Ithaca–London: Cornell University Press, 2015. XIX+434 p. URL: https://www.academia.edu/32290726/Adeeb_Khalid_Making_Uzbekistan_Nation_Empire_and_Revolution_in_the_Early_USSR_Ithaca_Cornell_University_Press_2015
- Kepel, 2000 – *Kepel G. Jihad: Expansion et déclin de l'islamisme*. London: I.B. Tauris, 2000. 280 p. URL: <https://archive.org/details/jihadexpansionet0000kepe>
- Kepel, 2002 – *Kepel G. Jihad: The Trail of Political Islam*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. 454 p. URL: <https://archive.org/details/jihadtrailofpoli0000kepe>; https://www.academia.edu/33683128/Jihad_The_Trail_of_Political_Islam
- Lapin, 2024 – *Lapin Seraly. Shygarmalary. Zertteuler = Seraly (Sherali) Lapin. Proizvedeniya. Issledovaniya [Works. Studies]*. Turkistan: Turan baspasy, 2024. 251 p. [in Kazakh]
- Lapin, 2025 – *Lapin Serali Munaibasovich*. 2025. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. [in Russian]
- Roy, 2004 – *Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press, 2004. 350 p. URL: https://www.academia.edu/1453451/Globalized_Islam_The_search_for_a_new_ummah

МАЗМҰНЫ/ СОДЕРЖАНИЕ/CONTENT
ОТАН ТАРИХЫ. 2026. Т. 29. № 1

Касымова Д.Б., Капаева А.Т., Кудайбергеноулы Б. О «ФЕОДАЛЬНО-БАЙСКИХ ПЕРЕЖИТКАХ» В КАЗАХСКОЙ ССР: ДИСКУРС, ПРАВО И ПРАКТИКИ.....	5
Козина В.В., Уалтаева А.С., Баймагамбетова А.А. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОНОГОРОДОВ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	22
Мамраймов С. КЕҢЕСТІК АГРАРЛЫҚ САЯСАТ АЯСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҰЖЫМДАСТЫРУ МЕН БАЙ-ШАРУАШЫЛЫҚТАРДЫ ТӨРКІЛЕУ (1928–1933 жж.).....	40
Turgunbayev I.Ye., Moryakova M.T., Zhanatayeva K.B. VILLAGE INSTITUTES IN TÜRKIYE AS AN INSTRUMENT OF CULTURAL POLICY.....	54
Sissenbayeva A.A., Kalybekova M.Ch. THEORETICAL AND SOURCE BASE FOR THE STUDY OF HISTORY OF KAZAKHSTANI PRISONERS OF WAR IN CONCENTRATION CAMPS ON THE TERRITORY POLAND DURING THE WORLD WAR II.....	66
Жолдасұлы Т., Досым А.Б. ҚЫЗЫЛОРДАДАҒЫ ИСЛАМНАН ӨЗГЕ ДІНИ ҰЙЫМДАР: СОВЕТТІК КЕЗЕҢ ТӘЖІРИБЕСІ (1960–1980 ЖЖ.).....	77
Zhumatay G., Yskak A. TSARIST RUSSIA’S CIVILIZING MISSION AND POLICY OF CHRISTIANIZATION OF THE KAZAKHS IN THE SECOND HALF OF THE 19 th AND BEGINNING OF THE 20 th CENTURIES.....	91
Zholseitova M.A. SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION OF THE TURKIC-MUSLIM SOCIETY IN THE INTELLECTUAL HERITAGE OF THE ALASH MOVEMENT.....	107
Сабитов Ж.М., Каратаев А.А. О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ИСТОРИИ ПЛЕМЕНИ АРГЫН.....	118
Бимақанова З.Ш., Мұқанова Г.Қ., Нұрғалиева Ф.М. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ «КІШІ ҚАЗАН» ЗЕРТТЕУЛЕРІНДЕ ПӘНАРАЛЫҚ ТӘСІЛДІ ҚОЛДАНУДЫҢ ӘДІСНАМАЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ МЕН ПРИНЦИПТЕРІ.....	132
Ахметова Г.М. ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ.....	142

Ермаханова М.А., Абдразақова А.Ө., Айтуар Б.М. АҢЫЗ ЖӘНЕ ШЫНДЫҚ: ТЕМІРБЕК ЖҮРГЕНОВТИҢ ТҮЛҒАСЫНА ҚАТЫСТЫ ТАРИХНАМАЛЫҚ ТАЛДАУ.....	161
Махамбетова Л.А., Мейрманова Г.А. У.Х. ШӘЛЕКЕНОВТИҢ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ ҚАЗАҚТАР МЕН ҚАРАҚАЛПАҚТАРДЫҢ ШАРУАШЫЛЫҚ ЖҮЙЕСІ.....	174
Байжанова А.Ә., Шашаев Ә.Қ., Әділбекова З.Ә. XX ҒАСЫРДЫҢ 20–30 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ОҚУ-АҒАРТУ МӘСЕЛЕЛЕРІ: ТАРИХИ ТАЛДАУ.....	185
Ошан Ж., Кенжеахмет Н., Қадылбек М. «ИМПЕРАТОР ГУАНСЮЙ БИЛГІ ТҰСЫНДАҒЫ СОЛТҮСТІК-БАТЫС ШЕКАРА ДЕЛИМИТАЦИЯЛЫҚ КАРТАСЫНЫҢ ҚЫТАЙША АУДАРМАСЫНДА» КӨРСЕТІЛГЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ШЫҒЫС ШЕКАРАСЫНА ҚАТЫСТЫ ТАРИХИ ТОПОНИМИКАЛАР.....	199
Zholdas A.K., Amirbek A.A., Kumganbayev Zh. K. THE ROLE OF HISTORY TEACHING IN FORMING THE KAZAKH INTELLIGENTSIA (1918–1927 YEARS).....	210
Саркенова К.А., Әбенова Б.С. БАТЫС СІБІР: ӘКІМШІЛІК-ТЕРРИТОРИЯЛЫҚ БӨЛІНІСІ, ҚАЗАҚТАРДЫҢ ОРНАЛАСУЫ (XVIII Ғ. СОҢЫ – XIX Ғ. БІРІНШІ ЖАРТЫСЫ).....	219
Mirzakulova R.M., Alpysbayeva N.K. SCHOLARS’ PERSONAL FUNDS IN THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF “GYLYM ORDASY” AS A PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY.....	234
Абдукадыров Н.М., Қалдыбаева С.С., Көбесова А.С. ОСМАН МЕМЛЕКЕТІ МЕН ОРТА АЗИЯ ХАЛЫҚТАРЫ АРАСЫНДА ОҚУ-АҒАРТУ САЛАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ (XIX Ғ. СОҢЫ – XX Ғ. БАСЫ).....	249
Ауанасова К.М., Ауанасова А.М., Бадиев А.М. ВКЛАД СЕРАЛИ ЛАПИНА В ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ).....	266
Akhmetova Zh.K., Abdrazakova A.U. THE KAZAKHSTANI VARIANT OF THE SOVIET NATION-BUILDING PROJECT IN THE CONTEXT OF IMPERIAL LEGACY AND SOCIALIST MODERNIZATION (1920–1940).....	276
Azretbergenova E.Zh., Baigarayev N.A. ISSUES OF CULTURAL POLICY AND NATIONAL IDENTITY IN THE PERIOD BETWEEN THE KAZAKH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC AND THE KAZAKH SOVIET SOCIALIST REPUBLIC.....	288

Дюсенова Н.К. ТҮРІК ЗЕРТТЕУШІЛЕРІНІҢ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ АШАРШЫЛЫҚ МӘСЕЛЕСІ.....	303
Есенаманова А.С., Қалыш А.Б., Исаева А.И. ТҮРКІ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ КІЛЕМ ТОҚУ ДӘСТҮРІН ЗЕРТТЕУ ТАРИХНАМАСЫ: ЭТНОГРАФИЯЛЫҚ ЖӘНЕ МУЗЕЙЛІК ТҮРҒЫДАН ШОЛУ.....	312
Сарсенбаев А.Б., Оспанов Е.Б. ҚАЗАҚ ШЕЖІРЕСІ ЭТНОГРАФИЯЛЫҚ ДЕРЕККӨЗІ РЕТІНДЕ.....	325
Турекеев К.Ж. НАРЕЧЕНИЕ ИМЕНИ У КАРАКАЛПАКОВ НАВОЙСКОЙ И САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.....	333
Шамшетдинова Д.И. УСПЕХИ И НЕДОСТАТКИ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАРАКАЛПАКСТАНА В 1960–80-Е ГГ.....	343
Мұхатова О.Х., Қаипбаева А.Т., Саипова К.Д. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1920–1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ПАНАСЫЗ БАЛАЛАР ТАРИХЫН ЗЕРТТЕУДІҢ ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ МЕТОДОЛОГИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	353
Қабдолдина К.Қ., Құндақбаева Ж.Б. ДІНИ ПАРЫЗ БЕН ЭПИДЕМИОЛОГИЯЛЫҚ ҚАУШТЕР АРАСЫНДА: ХІХ ҒАСЫРДЫҢ СОҢЫ – ХХ ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ҚАЗЫЛЫҚҚА САНИТАРЛЫҚ БАҚЫЛАУ ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚИЫНДЫҚТАРЫ.....	367
Қалишабаев А.Ж., Елеуов М.Е. Т.Н. СЕНИГОВА: БАТЫС ЖӘНЕ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ЭКСПЕДИЦИЯЛАРЫНЫҢ ҒЫЛЫМИ ЖАҒАЛЫҚТАРЫ (1950–1970 ЖЫЛДАР).....	378
Кенжебаев Ф.Қ. Сайфулмаликова С.С. БӨКЕЙ ОРДАСЫНДАҒЫ БАСТАУЫШ БІЛІМ БЕРУ: ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ, ӘЛЕУМЕТТІК ЖӘНЕ МӘДЕНИ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАНУЫНА ПӘНАРАЛЫҚ ТАЛДАУ.....	387
Темирханова А.С., Альбина Абеновна Максүтова А.М., Исакаева А.М. ҚАСЫМ ЕРТІСБАЕВ ТҮЛҒАСЫ ХХ ҒАСЫР БАСЫНДАҒЫ ДІНИ-АҒАРТУШЫЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕР КОНТЕКСІНДЕ.....	400
Мухамадеева И.А., Кенжебек Д.К., Жаксыбаева А.А. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА «КАЗАХ» (1913–1918 ГГ.) КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.....	410



Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты
Алматы қ., Шевченко көш., 28
Тел/факс: +7 727 261 67 19
e-mail: kazhistory@bk.ru
